

Му Цзунбао и Лю Иньчжэнь, помогая спасённому императорскому посланнику, бросились в поместье, чтобы схватить Ван Ляньфу и устроить очную ставку, но там уже было пусто. Никто из жен и наложниц генерала не знал, где он скрывается, а все ценные вещи остались на своих местах — можно лишь догадываться, в какой спешке Ван Ляньфу бежал.

— Мы виноваты, Ваше Величество, — Му Цзунбао, стоя на коленях в кабинете перед троним Императора, опустил голову, не пытаясь оправдать свой провал. Его вид был удрученным. Рядом с ним Лю Иньчжэнь, казалось, вовсе не принимала происходящее близко к сердцу — её лицо оставалось холодным, а мысли были где-то далеко.

— Вижу, ты и сам понимаешь, насколько облажался?! — Император, чьё лицо обычно не выражало никаких чувств, сейчас сердито выгнул брови, словно боясь, что его вид недостаточно пугает.

— Да! Я готов понести любое наказание, — голос Му Цзунбао звучал сухо. Он жалел лишь о том, что Ван Ляньфу сейчас не здесь, в этом зале — он бы разорвал его голыми руками! Столько лет служить Великому генералу Юэ, а в итоге даже не отомстить за его гибель! Если Император велит ему умереть прямо сейчас, он не сможет упокоиться с миром.

— Хорошо, раз ты сам осознал свою вину... — Император нахмурился, делая вид, что всерьёз раздумывает над мерой наказания.

— У меня лишь одна просьба! Прошу, сохраните мне жизнь, Ваше Величество. Я клянусь, что найду этого старого негодяя Ван Ляньфу на краю света, доставлю его к правосудию и отомщу за кровавую обиду Великого генерала! — Му Цзунбао, не поднимая головы, с силой ударился лбом об холодный мраморный пол.

— Что ж... тогда Я... — взгляд Императора, устремлённый на Му Цзунбао, стал не строгим, а скорее насмешливым.

— Бросьте, к чему издеваться над таким простодушным человеком, как этот офицер Му? — Из-за занавесок, ведущих во внутренние покои, где отдыхал Император, донёлся знакомый голос. Даже вечно задумчивая Лю Иньчжэнь вскинула голову. А Му Цзунбао от испуга подпрыгнул, указывая дрожащим пальцем на проём в дверях.

— Я ведь ещё не разрешал тебе вставать, офицер Му, — Император с забавным видом наблюдал за Му Цзунбао, на лице которого было написано всё, что он думал. Теперь он понял, почему Юэ Инъян не скучал на поле боя: рядом с ним был такой забавный человек.

— А? А-а! — Му Цзунбао хотел было рухнуть обратно на колени, но ноги словно приросли к полу.

В этот момент, опираясь на руку Ли Цюаньшуня, из-за занавесок вышел человек, и это был никто иной, как Юэ Инъян!

— Не пугайтесь, я человек, а не призрак, — видя, как у Му Цзунбао от удивления отвисла челюсть, Юэ Инъян слабо улыбнулся. — Стоило сразу сказать, что не стоит скрывать это от Му Цзунбао и Лю Инъчжэнь. Если бы сейчас был день, я уверен, они бы уже сбежали от меня на несколько ли.

Голос Юэ Инъяна звучал ровно, хотя в нём и не было прежней силы, но он вовсе не выглядел человеком при смерти. Правда, двигался он медленно — сказывались не зажившие раны. Ли Цюаньшунь помог ему сесть в кресло. Юэ Инъян начал ворчать, что Императору не стоило устраивать такие розыгрыши. Император спустился с трона, взял заранее приготовленный чай с женьшенем и подал ему, не споря с его упреками — молчаливое признание своей вины.

Юэ Инъян понимал: Император просто редко видел таких прямолинейных и бесхитростных людей, как Му Цзунбао, и решил немного пошутить. Он не стал продолжать спор, а молча принялся пить чай, ожидая, пока Император сам всё объяснит.

Для участников этих событий всё происходящее было делом привычным, но Му Цзунбао смотрел на это с изумлением! Даже если Император высоко ценил Великого генерала, разве пристойно разговаривать с правителем как с неразумным ребёнком... Хотя, возможно, так оно и было, но всё же... И чай, который он пьёт — из рук самого Императора! Му Цзунбао казалось, что это одновременно странно и... вполне логично. Он почесал в затылке и совсем забыл о том, что Юэ Инъян должен был быть мёртв.

— Смерть Великого генерала — это спектакль, который разыграли Я, Великий генерал и старый Лекарь Цянь. Цель была проста: вынудить Ван Ляньфу совершить ошибку и найти улики его заговора против Юэ Инъяна. Понятно? — Император обошёл стоящую на коленях Лю Инъчжэнь и вытянувшегося во фрунт Му Цзунбао. Он видел, что Лю Инъчжэнь догадалась обо всём заранее, а Му Цзунбао всё ещё стоит с ошарашенным видом.

— Юэ, тебе стоит как-то сбалансировать этих двух офицеров, — Император подошёл и сел рядом с Юэ Инъяном. Как могут быть такими разными сослуживцы? Одна проницательна, как пророк, а другой... эх, дубовая голова! Но, как рассказывал Юэ Инъян, вместе они были непобедимым золотым дуэтом. Под проницательной, разумеется, имелась в виду Лю Инъчжэнь, а под дубовой головой — вечно чудящий Му Цзунбао.

— Ваше Величество, — Юэ Инъян не ожидал, что Император скажет такое, и с лёгким укором посмотрел на него, а затем обернулся к Му Цзунбао и Лю Инъчжэнь. Внутри него всколыхнулось волнение: его поведение перед подчинёнными было крайне неуместным. Как он мог вести себя так вольно? А Император... что он об этом подумает? Он поспешил отвести взгляд и велел Лю Инъчжэнь встать, чтобы начать подробно объяснять детали их плана.

Император не упустил этот полный нежности, почти капризный взгляд Юэ Инъяна, и его сердце наполнилось теплом. С тех пор как Юэ Инъян вернулся с того света, в его отношении к нему появилось нечто новое — непринуждённость и близость. Значит ли это, что их отношения могут измениться? Он снова посмотрел на Юэ Инъяна, который в деталях рассказывал, как они с самого начала подозревали Ван Ляньфу, как отправили его в отставку, как допрашивали солдат и как, в конечном счёте, договорились разыграть смерть, чтобы выманить змею из

норы.

В общении с подчинёнными Юэ Инъян всегда был вежлив, кроме тех моментов, когда дело касалось службы. Долгое время он сам мечтал, чтобы Юэ относился к нему искренне, видел в нём человека, любовника, а не только Императора. Можно ли считать это исполнением его желания? Глядя на Юэ Инъяна, который находился на расстоянии вытянутой руки, он чувствовал, что это и есть настоящее счастье.

Когда Юэ Инъян ответил на все вопросы Му Цзунбао, дело было окончательно закрыто. Му Цзунбао сиял от радости: его командир жив-здоров, да ещё и лично всё разъяснил. Лю Инъчжэнь была довольна тем, что её догадки подтвердились.

В тот же день Император издал указ о розыске Ван Ляньфу по всей стране: живым или мёртвым, за поимку — награда. Это было сделано, чтобы лишить Ван Ляньфу всякой надежды на убежище. Юэ Инъян считал этот шаг опрометчивым — загнанная в угол крыса переходит в атаку, но Император был настроен решительно: он хотел собственноручно предать предателя казни через линчи. Юэ Инъян, вздохнув, уступил. Му Цзунбао и Лю Инъчжэнь добровольно вызвались на поимку преступника и, поспешно откланявшись, исчезли.

Хотя раны Юэ Инъяна заживали, Лекарь Цянь строго наказал ему не вставать с постели более чем на полчаса в день. Император, боясь, что состояние Юэ действительно ухудшится, лично следил за этим. Юэ Инъян поначалу протестовал, называя этот план зловещим, но против упрямства Императора не попрёшь. Пришлось согласиться при условии: в Вэйчэн в поместье генерала отправят тело двойника, а настоящий Юэ Инъян будет покорно лечиться во дворце под присмотром Императора.

Так Юэ Инъян тайно оказался в Зале Чаоян — личных покоях Императора. С тех пор, кроме Ли Цюаньшуня, никому из евнухов и служанок вход туда был заказан.

Однако даже самые глубокие тайны со временем просачиваются наружу, особенно если речь идёт о покоях Императора, за которыми следят сотни глаз. Не прошло и двух недель с момента объявления розыска Ван Ляньфу, как по дворцу разлетелись самые невероятные слухи.

Самая банальная версия гласила, что Император во время похода взял в плен красавицу и теперь души в ней не чает.

Более абсурдная версия утверждала, что привёз он не женщину, а мужчину — да ещё и вражеского генерала.

Самая дикая, но близкая к истине версия заключалась в том, что Император воспользовался походом, чтобы привести во дворец любимую женщину, но Великий генерал, недовольный тем, что погиб на фронте, пока Император пировал, теперь бродит призраком по его покоям.

Разумеется, всё это было лишь сплетнями среди слуг, но, странное дело, стоило Императору

остаться в тишине, как до него долетали новые подробности — например, что та женщина — трёхголовая змея-демон. Императора поражало, как люди, не видя ничего своими глазами, умудряются сочинять такие красочные истории. Это было куда интереснее, чем слушать уличных сказителей на чайных рынках.

В тот вечер, когда Император и Юэ Инъян уже помылись, а Ли Цюаньшунь удалился, Император, прижавшись к Юэ Инъяну и обнимая его за талию, вдруг вспомнил последние слухи.

— Инъян, хочешь услышать кое-что забавное? — прошептал он на ухо Юэ Инъяну. От горячего дыхания у того пошли мурашки. Уставший за день, он неохотно обернулся.

— Сегодня слышал, будто в моих покоях живёт призрак красавицы с белоснежной кожей и красными волосами... Ха-ха... Ты представляешь, они считают, что это ты... — Император, прижавшись к груди Юэ Инъяна, сотрясаясь от смеха.

— Глупости, — Юэ Инъян чувствовал, как вибрация от смеха Императора передаётся ему в грудь, и невольно нахмурился.

— Инъян... если бы ты был женщиной, я бы непременно заставил тебя родить мне наследника, а потом передал бы ему трон Династии Шэн! — Император не знал, что на него нашло. Он хотел поднять ему настроение, ведь после ранения Юэ почти не улыбался. Но лицо Юэ Инъяна стало ещё напряжённее.

Император смотрел в его яркие глаза; даже в полумраке занавесок он видел каждую мелкую морщинку на лице Юэ. Юэ Инъян заставил себя выдавить слабую улыбку.

— Спи. Уже поздно, завтра утренняя аудиенция, — Юэ Инъян первым закрыл глаза. Император уткнулся лицом в его шею, и вскоре послышалось ровное дыхание.

Юэ Инъян снова открыл глаза.

Значит, люди во дворце уже что-то подозревают. А раз речь зашла о его душе, значит, кто-то видел его здесь. Какие планы у Императора, раз он держит его при себе? Не собирается ли он вечно скрывать, что Юэ жив, заперев его в глубине дворца, чтобы тот всю жизнь прожил призраком, не видя солнечного света?

Хотя он был укутан в толстое одеяло и обнят тёплым телом Императора, Юэ Инъяна пробрала дрожь.

Будь он женщиной, всё было бы проще. Но он мужчина. Даже если они будут делить ложе каждую ночь, он не подарит Императору наследника. Хотя при дворе были прецеденты с фаворитами-мужчинами, гордость Юэ Инъяна не позволяла ему стать в глазах других самым

низким существом.

Что ждёт его впереди?

Спустя ещё два дня Император наконец согласился обнародовать указ о том, что Великий генерал не погиб, а лишь тяжело ранен, и находится в столице на лечении, так как Ван Ляньфу предал его и связался с врагом.

Глупые слухи мигом утихли.

Юэ Инъян, убедившись, что Император не собирается «стирать» образ Великого генерала, успокоился и, помимо отдыха, начал обсуждать с ним государственные дела. Император часто беспокоился, что Юэ переутомится, но не мог отпустить его спать, потому что Юэ предлагал идеи, до которых сам Император порой не додумывался.

— Сейчас, когда западная граница неспокойна, а после бегства Великого генерала Вана многие его солдаты дезертировали, нам остаётся только нанимать местных жителей и тренировать их на месте. Так мы решим проблему нехватки войск и предотвратим чрезмерное усиление власти генералов... — Юэ Инъян поднял глаза от доклада и увидел, что Император, не мигая, пристально смотрит на него.

— Ваше Величество, вы слушаете, что я говорю? — Юэ чувствовал себя старым учителем, чьи лекции никто не хочет слушать.

— Слушаю, слушаю! Нанимать наёмников, верно. Я просто размышляю о другом, — Император пришёл в себя и закрыл последнюю папку с докладами.

— О чём? Неужели в докладе Министерства обороны что-то неясно? Давайте взглянем ещё раз, — Юэ Инъян потянулся к бумаге, но Император перехватил его руку.

— Нет, с докладом всё в порядке. Дело в тебе... — Император встал и потянул Юэ за собой. — Я думаю, почему в прошлые годы на собраниях ты никогда не высказывался так широко и смело?

Император прижал к себе Юэ Инъяна, который за это время заметно похудел, и в его сердце кольнуло от жалости.

— Ваше Величество, вы же такой умный, неужели не понимаете, о чём думают ваши подчинённые? — Юэ лишь улыбнулся, глядя на озадаченное лицо Императора, не давая прямого ответа.

— Конечно, понимаю. Вы все только и думаете, как бы не дать девятнадцатилетнему мальчишке-императору понять, что ваши идеи глубже и стратегия вернее... Неужели я выгляжу таким мелочным и нетерпимым? — Император, обиженный, отпустил его, но остался стоять вплотную.

— Это не вопрос вашего характера, Ваше Величество. Это путь чиновников и искусство управления подчинёнными, способ поддержания порядка в стране, — Юэ Инъян, видя, что Император отошёл, снова сел и поманил его к себе. — Если правитель хочет управлять чиновниками, как своими пальцами, он должен обладать величием. А величие требует стоять выше всех. Статус даётся от рождения, но важно также воспитание, талант и манеры. Уроки, которые вы получали с детства, были направлены на то, чтобы сделать вас успешным правителем. То, о чём я говорю сейчас — это часть науки о власти.

Юэ Инъян, когда был наставником наследного принца, много изучал эту науку. Сейчас, когда они скрыты от посторонних глаз, он мог говорить прямо.

— Если завтра на аудиенции вам что-то покажется верным из моих слов — просто используйте это, сказав, что это была ваша мысль, — Юэ отпил чаю, с интересом наблюдая за мученическим выражением лица правителя.

— Словно вернулись те дни, когда ты был моим наставником. Ты так засыпал меня вопросами, что я даже рта открыть не мог. Я и не знал, что тот «литературный гений», что учил меня, на самом деле — гений военный! — Когда Юэ Инъян только начал учить его, принц-мальчишка постоянно досаждал ему, а Юэ не мог просто срубить ему голову. Приходилось придумывать каверзные вопросы из древних книг, чтобы поставить принца в тупик и выпустить пар.

— Это всё мой отец. Он всегда говорил, что те, кто держит кисть, слишком легкомысленны, поэтому до десяти лет я учил словесность, а потом перешёл на боевые искусства. Иначе, как говорила моя мать, я мог бы стать и гражданским чиновником.

— Ты, наверное, выучил всю науку о власти наизусть? — Император прицокнул языком, наконец понимая, почему доводы Юэ Инъяна столь убедительны.

— Не настолько хорошо, чтобы знать всё досконально, но достаточно, чтобы понимать суть. Теперь я понимаю, что те знания, которые я тогда получал из вредности, пригодились нам обоим. Но сколько же бессонных ночей я из-за этого провёл!

Император представил, как Юэ Инъян грыз гранит науки, скрипя зубами от злости на него. Интересно, как он вообще заставлял себя каждое утро встречаться с ним?

— Ты ненавидишь меня?

— Ты ненавидишь меня? — хотя он совсем не хотел знать ответа, Император всё же задал этот вопрос, который показался ему самому глупым.

— Ненавижу! — Юэ Инъян ответил без малейшего колебания. Его лицо оставалось таким же спокойным, словно он говорил о погоде.

— Я знаю, что был неправ. Что мне сделать, чтобы ты простил меня? — Юэ Инъян сидел рядом и тихо рассказывал о своей ненависти. Император знал этот ответ заранее, но услышать его из уст Юэ было всё равно что получить удар под дых.

— Будь хорошим правителем. По крайней мере, сделай так, чтобы я не считал свои жертвы бессмысленными. Я хочу видеть процветающую Династию Шэн и мудрого монарха, чьё имя останется в веках. Я знаю, у тебя всё получится. — Он не хотел больше видеть, как плод его усилий превращается в неразумного деспота, который ставит личные чувства выше интересов страны.

— Тогда ты простишь меня? — Император схватил Юэ Инъяна за руку и крепко сжал её.

— По крайней мере, я захочу увидеть финал этой истории. — Эти слова вырвались сами собой. Да, он хотел досмотреть всё до конца, увидеть, как Император вырастет в великого правителя. А он будет поддерживать его, следить за ним... Разве жизнь не в этом? В его будущем Император стал незаменимым человеком.

— Хорошо, договорились. Но ты не смеешь уйти раньше времени, ты обещал быть со мной до конца! — Значит ли это, что его чувства наконец тронули Юэ Инъяна? Что эта закалённая в огне душа всё же сдалась?

Вечность — это как долго? До глубокой старости? Или до самого последнего вздоха? Но как бы то ни было, отныне их судьбы сплетены навсегда.

После долгой ночной беседы на следующее утро Император едва мог заставить себя встать. Тёплая постель рядом с Юэ Инъяном была куда притягательнее, чем зимний холод снаружи. Но стоило Юэ Инъяну произнести: «Хороший правитель...», как вся лень испарилась. Под присмотром Ли Цюаньшуня он поспешил в Тронный зал Цзиньлуань и успел вовремя.

Юэ Инъян, оставшись один, выпался вдоволь и наконец почувствовал себя лучше. Вчера, с разрешения Лекаря Цянь, он даже смог ненадолго выйти в Императорский сад. Он так соскучился по редкому зимнему солнцу.

Хотя отсутствие слуг, которые помогли бы одеться, отнимало много времени, он не хотел рисковать: если евнухи увидят, что он спит на «драконьем ложе», пойдут нехорошие слухи. Поэтому всё оставалось по-старому — в Зале Чаоян Ли Цюаньшунь один выполнял работу за десятерых.

Закончив с докладами, которые обещал проверить, Юэ Инъян не удержался и вышел наружу, в сад.

Пока Император был на утреннем докладе, в саду было тихо, наложницы ещё не вышли на прогулку. Юэ Инъян, накинув лёгкую куртку, наслаждался тишиной. Глядя на крепкую сосну, он вдруг вспомнил дерево у себя в поместье, на котором было гнездо. Интересно, птенцы уже выросли? С тех пор как осенью Император увлёк его в поход, прошло почти два месяца, и он не ступал на порог родного дома.

Скоро Новый год. Как там старые родители? А Хун Яо, перед которой он так виноват...

Не успел он пройти мимо кустов, как оттуда донеслись девичьи голоса. Юэ Инъян замер.

— Говорю тебе, через пару дней Его Величество объявит о первом в истории страны наложнике-мужчине. — Голос был тихим, но отчётливым.

— Знаю, я слышала, это Великий генерал Юэ. Его прячут в Зале Чаоян, никого не пускают! Разве это не значит, что его скрывают от глаз людских? Так и проживёт всю жизнь в затворничестве.

— Но Великий генерал не похож на других фаворитов... Где это видано, чтобы наложник был таким мужественным? Ты слышала, что говорила Вдовствующая императрица? Наложник покойного императора был как небожитель!

Юэ Инъян не стал обнаруживать себя и тихо удалился. Он шёл быстро, желая лишь одного: не слышать этого. Почему, когда он уже готов был оставить всё позади, судьба снова заставляет его столкнуться с реальностью? Может, ему всё-таки придётся пройти через это?

— Ваше Величество, прошу, позвольте мне вернуться в поместье для восстановления.

Император только вернулся с доклада и хотел зайти к Юэ Инъяну, прежде чем сесть за бумаги. Он не ожидал, что, переступив порог, сразу услышит эту просьбу. Настроение, бывшее на высоте, рухнуло в бездну.

— Не разрешаю. — Даже не задумываясь, ответил он и направился в сторону кабинета, надеясь, что вопрос сам собой замнется.

— Ваше Величество. — Юэ Инъян твёрдым голосом преградил ему путь к дверям, показывая, что сегодня он не даст Императору увильнуть от разговора.

— Инъян, вчера ты сам обещал мне, что останешься рядом. — Император вновь напомнил Юэ Инъяну о его же словах. Разве пристало мужчине отказываться от своего слова на следующее же утро? Если он позволит ему так легко упорхнуть, едва получив желаемое, то какой же он после этого Император? Это было бы просто жалко.

— Но это вовсе не значит, что я обязан сидеть в твоём Зале Чаоян двадцать четыре часа в сутки! Давай сохраним тот формат отношений, который у нас был последние семь лет, а?

Так он остался бы при нём в качестве генерала, а не наложника, который вынужден гнить в глубине дворца, дожидаясь, пока государь закончит утренние аудиенции!

— Не позволю! Чем тебя не устраивает мой Зал Чаоян? Другие наложницы мечтают лишь об одной ночи здесь, да права такого не имеют. Я позволил тебе, Юэ Инъяну, поселиться здесь, неужели это для тебя такое великое унижение?

Если бы все вернулось к прежнему укладу последних семи лет, их искренние чувства стали бы бессмысленными. Какая тогда разница между пребыванием во дворце по указу и вынужденным подчинением? Удивительно, как такой умный человек, как Юэ Инъян, не способен понять его простого эгоистичного желания. Он хотел, чтобы Юэ Инъян оставался рядом не по принуждению, а по доброй воле, отвечая на его чувства тем же.

— Тогда, может, государь желает официально пожаловать мне титул наложника? — Юэ Инъян не сдвинулся с места, загораживая дверь, а его взгляд оставался холодным, словно он был готов уйти, не оглядываясь, если Император подтвердит свои намерения.

— Нет... — Император опешил, не ожидая такого вопроса. Согласно законам Династии Шэн, наложницам запрещено вмешиваться в государственные дела, а Юэ Инъян был его правой рукой, без которой он не мог обойтись. Разумеется, сделать его наложником было невозможно. К тому же, если бы он искал послушного наложника, то вряд ли полюбил бы именно Юэ Инъяна.

— Тогда у меня нет ни статуса, ни права жить в Зале Чаоян. Надеюсь, государь не станет ставить меня в неловкое положение.

Оказывается, Император даже не подумал об этом. Юэ Инъян не знал, почувствовать ли ему облегчение или разочарование.

— В моём Зале Чаоян я сам решаю, кому жить, а кому нет! К чему тебе эти пустые тревоги? — Оказывается, он переживал из-за такой ерунды. Он Император, и в его дворце последнее слово всегда за ним.

— Но людскую молву не остановить, надеюсь, государь поймет меня.

Юэ Инъян не собирался отступать. Если он сейчас уступит, то по дворцу поползут такие грязные сплетни, что пострадает не только его репутация, но и величие самого Императора. Император мог не заботиться о таких мелочах, но сам Юэ Инъян обязан был предусмотреть всё. Их путь был длиною в жизнь, а не в один миг.

— Сказал нет, значит нет! Я знаю, ты просто хочешь вернуться в Поместье генерала к этой Хун Яо, вот и выдумываешь оправдания!

В мыслях Императора всплыла та, кто представлялась ему главной угрозой. Она была законной наложницей Юэ Инъяна, в то время как сам он оставался лишь тайным любовником.

— Ты... невыносим! Я сейчас же соберу вещи и после полудня вернусь в Поместье генерала.

Неужели в глазах Императора он настолько беспринципен? Раз уж он дал слово, то как может помышлять о других, даже если прекрасно знал, что в этой жизни неизбежно причинит боль Хун Яо. Вспылив, Юэ Инъян не стал дожидаться согласия Императора. Он оттолкнул его и прошел во внутренние покои, чтобы начать собирать свои скудные пожитки. Если их отношения не построены на доверии, то зачем вообще их беречь?

— Ты... Юэ Инъян! Если ты сегодня осмелишься переступить порог Зала Чаоян, я прикажу сравнять твоё Поместье генерала с землей! Посмотрим, куда ты тогда вернешься! А эта Хун Яо... я ей жизни не дам!

Император, вне себя от ярости, выкрикнул угрозы, но, видя, что Юэ Инъян не обращает на него внимания, в гневе отправился в кабинет. Оставшись в комнате, Юэ Инъян замер, сидя на краю кровати. В чем же их проблема? Почему они не могут просто жить в мире? Он знал, что если сегодня действительно уйдет, Император исполнит свои угрозы, поэтому у него не хватило духу довести дело до взаимного уничтожения. Он не хотел вновь переживать тот ужас, когда они едва не потеряли друг друга во время далекого похода.

Во время обеда Император не вернулся: Юэ Инъян понимал, что тот просто не хочет видеть, как он уходит, и снова начинать ссору. Ли Цюаньшунь, под предлогом прислуживания, оставался рядом до самого послеобеденного сна.

Император вернулся лишь к ужину. Его отношение к Юэ Инъяну было таким же, как и утром — всё потому, что Юэ Инъян послушался и больше не заикался об уходе.

— Инъян, попробуй это. Я специально приказал императорской кухне приготовить курицу с восемью сокровищами, она очень полезна для восстановления сил. — Император положил кусок курицы в чашу Юэ Инъяна, а спустя мгновение добавил: — А это белый лотос из Цзянсу, большая редкость для весны, настоящий дар дворцу.

Император положил в чашу Юэ Инъяна несколько крупных, мягко томленных кусочков лотоса.

— Довольно, ешь сам. Где это видано, чтобы Император подкладывал еду другим?

Юэ Инъян понимал, что Император пытается задобрить его, но все равно чувствовал неловкость. Теперь он остался, и Император пошел на попятную, а если бы он сегодня действительно ушел? Возможно, тот и впрямь отправил бы войска к Поместью генерала, казнил бы Хун Яо, бросил его самого в темницу... Правильно ли он поступил? Сегодня он уступил, а что будет дальше? Придется ли ему всегда идти на компромиссы? Это совсем не походило на те отношения, о которых он мечтал. Ему нужно было хорошенько все обдумать.

— Я просто рад, что ты наконец можешь сесть за стол.

Лишь со вчерашнего вечера имперский лекарь разрешил Юэ Инъяну вставать, чтобы тот начал восстанавливать силы. Днем из-за ссоры они обедали по отдельности, так что сейчас был первый раз с момента возвращения во дворец, когда они ели вместе.

— Впереди еще целая жизнь. Если ты будешь каждый раз только смотреть, как я ем, то скоро с голоду умрешь.

Стол ломился от яств, чаша перед Юэ Инъяном была наполнена с горкой, а Император так к еде и не притронулся. Не ожидая, что Юэ Инъян подшутит над ним, Император растерялся. Он глупо улыбнулся и, взяв фрикадельку, снова положил ее в чашу Юэ Инъяна, повторяя про себя слова о том, что впереди еще целая жизнь.

Раздался приглушенный смешок Юэ Инъяна, который вскоре перерос в искренний, звонкий смех. Похоже, они все-таки смогут найти способ жить в гармонии.

Посреди ночи Юэ Инъян проснулся от слабого отблеска огня. На мгновение ему показалось, что он снова на поле боя, что это свет факелов в лагере и он ждет, когда стихнет метель, чтобы начать решающую атаку на врага. Ему представилось, что наемные убийцы Императора затаились в тенях вокруг его шатра. Лишь когда глаза привыкли к полумраку дворца, он понял, что находится в Зале Чаоян, в объятиях Императора.

По ночам Император всегда обнимал его. Раньше он оправдывался тем, что боится, как бы Юэ Инъян во сне не повредил рану, и настаивал на том, чтобы присматривать за ним — это вызывало у Юэ Инъяна лишь горькую улыбку. Но теперь объятия вошли в привычку, и Император уже не мог уснуть в пустой постели.

Поначалу Юэ Инъян боялся, что Император не сможет сдержать свои желания, а его собственное состояние не позволяло близости — такая попытка была бы для Императора мучением, и он хотел отказаться. Но Император не слушал: каждый вечер он дожидался, пока Юэ Инъян ляжет, затем укладывался с края и, укрывшись одеялом, плотно прижимал его к себе.

Несколько раз Юэ Инъян просыпался среди ночи и, видя спящее, умиротворенное лицо

Императора, терял бдительность. Он задумывался, что ждет их в будущем, если они продолжат в том же духе. Но не попробуешь — не узнаешь.

С этой мыслью Юэ Инъян повернул голову в сторону, где должен был лежать Император, но место оказалось пустым!

Только тогда он вспомнил о том слабом огоньке, что разбудил его. Если это не лагерь, то не может быть и факелов. Что же это за свет и куда ушел Император? Ощущая на коже прохладу ранней весны, Юэ Инъян осторожно ступил на пол.

Слабый свет пробивался сквозь щель в дверях. Юэ Инъян попытался сосредоточить ци, но обнаружил, что в теле осталось лишь четыре десятых от привычных сил. Он надеялся, что это лишь его подозрительность, но за дверью уже слышался приглушенный голос.

— Что там? — Несмотря на хриплые нотки, Юэ Инъян легко узнал голос Императора, исчезнувшего среди ночи с кровати.

— Огонь уже разгорелся, его не остановить. Поместье генерала, скорее всего, не уцелеет. — Холодно ответил другой, незнакомый голос.

Юэ Инъян отчетливо расслышал каждое слово:

— Огонь уже разгорелся, его не остановить. Поместье генерала, скорее всего, не уцелеет...

<http://bllate.org/book/21138/2144064>